

Накануне рассвета, когда край неба едва тронула первая золотистая полоса, Янь Фуи вывел последний штрих. Он придирчиво осмотрел написанное и бережно закрыл нефритовый свиток.

— Сойдёт, вполне сойдёт, — сладко зевнул Ли Фуюй. — Всё расписал до мелочей, на годы вперёд. Этому малявке за глаза хватит, чтобы до Золотого Ядра дойти. Куда лучше, чем наставления твоего горе-наставника.

Янь Фуи тихонько вздохнул.

— Я оказался никудышным учителем, — промолвил он, слегка нахмурившись. — Отныне ей придётся идти своей дорогой в одиночку.

— С чего это вдруг?! — всполошился Ли Фуюй, повысив голос. — Ишь куда тебя занесло! Ты что, возвращаться вообще не собираешься? Мы же договаривались: просто разведаем обстановку, ну и поможем кому по пути, если случай подвернётся... О фронте даже не заикайся! Пока полностью не восстановишь силы, соваться на поле битвы бессмертных и демонов я тебе не позволю!

Янь Фуи лишь молча хлопнул ресницами, пропустив эти слова мимо ушей.

Ли Фуюй больше всего ненавидел, когда тот уходил от ответа.

— погоди, ты же это несерьёзно? Ты ведь не собираешься лезть в самое пекло?.. Неужто думаешь, что в Царстве демонов все такие же недоумки, как та тварь из города Мосян, и тебе снова повезёт укокошить кого-то уровня Зарождения Души?

Янь Фуи проигнорировал его выпад и расстелил на столе чистый лист ослепительно белой рисовой бумаги.

— Брат Ли, — мягко произнёс он, — я хочу дать Сяохуа настоящее, благозвучное имя.

Ли Фуюя так и подмывало взвыть от досады. Этот упрямец с самого детства не менялся: стоило прижать его к стенке, как он виртуозно притворялся глухим и мастерски переводил разговор на другую тему.

Как же жаль, что сейчас у него не было собственного тела! Иначе он бы живо применил «физическое внушение» — защекотал бы этого несносного чистоплюя до слёз, пока тот, покрасневшись, не взмолился бы о пощаде.

Янь Фуи тем временем водил кистью по бумаге, примеряя и набрасывая различные иероглифы.

— Расписался-то как! Может, сразу скатаешь бумажки в шарики и заставишь её тянуть

жребий? — съязвил Ли Фуюй. — Что же ты сам у неё не спросишь, хочет ли она менять имя? Или просто духу не хватает лично попрощаться с любимой ученицей?

Янь Фуи вновь сделал вид, будто ничего не слышит.

В этом вопросе он и впрямь проявлял малодушие. Прощания давались ему слишком тяжело.

Янь Фуи всем сердцем ненавидел расставания. Ему претило само слово «прощай» — ведь те, кому он его говорил, обычно уходили навсегда. Гораздо легче было уйти молча, сохранив в глубине души зыбкую, но драгоценную надежду на встречу.

В конце концов его выбор пал на два иероглифа: «Линду».

Аккуратно сложив тонкий лист, он приложил к нему прощальное послание. В нём он писал, что если новое имя Сяохуа не придётся по душе, она вольна и дальше прилежно изучать оставленные им книги, а когда вырастет — выбрать себе имя сама.

Но если имя ей понравится, то пусть её жизнь будет подобна полёту белого журавля в бездонном ясном небе — лёгкой, вольной и безмятежной.

Закончив с этим, он покинул Утёс Очищения Одежд. К тому моменту на землю повалили пушистые хлопья снега, укрывая долину за пределами тайной обители чистым серебряным саваном. Плотный белый покров спрятал под собой следы недавней разрухи, вернув этим местам первозданный, знакомый с юности облик.

Разгребая носком сапога свежий сугроб, Янь Фуи нагнулся, поднял крошечную горсть промёрзшей земли, бережно ссыпал её в нефритовый флакон и спрятал у себя на груди.

В этой горсти смешались лепестки увядших пионов, влага давно иссохших ручьёв и едва уловимый, родной дух вековых корней и палой листвы.

Для него это было бесценным сокровищем. Сжимая в руках холодный флакон, он мог обманывать себя сладкой иллюзией, будто его дом всё ещё цел.

Путь Янь Фуи лежал на юг.

Он шёл в полном одиночестве. Лишь бестелесный голос Системы время от времени нарушал безмолвие. Избегая встреч и праздных разговоров, Янь Фуи погрузился в глубокое созерцание. Он стремился слиться с дыханием самой природы, чтобы капля за каплей очистить свои духовные каналы от скверны проникшей в них демонической энергии.

Древние трактаты гласили, что мир рождён из первородного хаоса, где чистая и мутная энергии — Инь и Ян — пребывали в неразрывном единстве. Заклинатели далёкого прошлого уподобляли собственные тела ситу: они без разбора вбирали в себя любую силу, а затем в процессе медитации терпеливо отделяли зёрна от плевел, вымывая скверну и сохраняя чистейшую эссенцию. С каждым кругом такого очищения их плоть закалялась, становясь прочнее стали, что в конечном счёте позволяло достичь легендарного перерождения физического тела и обрести святость.

Но те времена канули в Лету. С тех пор как Двенадцать Золотых Бессмертных запечатали Царство демонов, вся скверна оказалась заперта в тёмных глубинах Бездны демонов, а в поднебесном мире осталась лишь первозданная, хрустально-чистая духовная энергия.

Нынешние поколения практиков привыкли к лёгкому пути: они просто впитывали готовую чистую силу, накапливали её в меридианах и развивали свои духовные корни до предела.

Когда духовный корень достигал абсолютной чистоты и мощи, на заклинателя обрушивалось Небесное испытание. Сгорая в очищающем пламени грозы, практик сбрасывал бrenную плоть, отрекался от земных оков и возносился, становясь Золотым Бессмертным.

Красивая легенда, да только за последние несколько тысяч лет никто так и не смог претворить её в жизнь. В мире являлись великие мастера стадии Махаяны, но ни один из них не сумел пережить карающие раскаты Небесной грозы.

Единственным истинным Золотым Бессмертным, дожившим до наших дней, оставался Патриарх Сюаньцзи с Горы Неоставления — единственный уцелевший в пламени прошлой великой войны бессмертных и демонов.

А потому никто не мог с уверенностью сказать, работает ли общепринятый путь самосовершенствования на самом деле.

Янь Фуи же решил избрать иную стезю — ту самую, забытую тропу древних владык.

Янь Тиншуан жестоко вырвал его духовный корень и Врождённые Кости Меча, надолго погрузив бывшего гения в глухую ментальную тьму, где тот не мог уловить и капли духовной энергии. Однако истинный талант невозможно уничтожить бесследно. Когда в его руки вернулся верный Уван, через эту неразрывную связь с родным клинком в наглухо запертых воротах духовного мира наконец образовалась едва заметная щель.

Разумеется, без духовного корня накапливать силу в теле было невозможно, к тому же чистая ци и демоническая скверна в поднебесной теперь переплелись в неразделимый узел. Старые приёмы здесь были бессильны.

Но что если перевернуть саму суть учения? Что если сперва закалить бrenную плоть бушующим потоком смешанной ци, сотворив из своего тела несокрушимый сосуд, а затем в

пылу сражения мгновенно вбирать в себя колоссальные объёмы внешней силы, преобразовывать их за долю секунды и тут же обрушивать на врага?

— Скорее всего, твой «сосуд» просто разлетится в щепки под таким напором, — мрачно отозвался Ли Фуюй. — Либо крупницы демонической скверны осядут в твоих каналах, и ты сам не заметишь, как погубишь разум и впадёшь в безумие.

Несмотря на привычную развязность, сейчас в голосе Ли Фуюя сквозила нешуточная тревога.

— И самое главное... — он замялся, подбирая слова, но всё же выговорил: — Фуи, не забывай, в твоих жилах течёт кровь демонических заклинателей.

Опомнившись, он поспешил загладить неловкость:

— Слышишь, я ничего такого не имел в виду! Я просто безумно за тебя боюсь...

— Знаю, — негромко перебил его Янь Фуи.

Он шёл по пустынному тракту. Когда-то вдоль него ютились тихие деревеньки, но после того как небеса затянуло кровавыми тучами и мир погрузился в хаос, от них остались лишь обугленные остовы да сиротливые развалины. За весь день пути Янь Фуи не встретил ни одной живой души.

Лишь его одинокая фигура медленно двигалась по бесконечной, разбитой колее.

Его походка казалась неторопливой, почти прогулочной, но если приглядеться, можно было заметить нечто странное: каждый его шаг был выверен с точностью до волоска, в точности повторяя длину предыдущего.

Он шёл так километр за километром, строго по самой середине дороги, удерживая идеальное расстояние до обочин.

— Но то, что во мне течёт демоническая кровь, сейчас мне только на руку, — рассудительно продолжил Янь Фуи. — Так моему телу гораздо проще свыкнуться со скверной, пропитавшей духовные потоки.

— Обычных практиков демоническая ци выжигает изнутри, разрушая меридианы и сводя с ума. Но моя плоть с младенчества закалена этой силой, пусть даже её была лишь капля. Мой порог сопротивления гораздо выше.

— Это совсем другое! — не унимался Ли Фуюй. — Тело-то твоё, положим, привыкло... Но ты понятия не имеешь, как эта скверна бьёт по разуму! Ты ещё не сталкивался с её шёпотом.

Янь Фуи на мгновение замолк, а затем тихо, с едва заметной грустью проговорил:

— Значит, и ты мне не веришь...

— Да вовсе нет! — тут же запаниковал Ли Фуюй, теряя всякое самообладание. — Как ты мог такое подумать?! Я имел в виду... Ты ведь уже проходил через испытание внутренними демонами. Я не сомневаюсь в твоей стойкости, ты не поддашься соблазну. Но этот морок... он создаёт такие правдоподобные иллюзии, он ранит без жалости! Я просто боюсь, что тебе снова будет больно!

Губы Янь Фуи дрогнули в едва заметной, лукавой улыбке.

Ли Фуюй осёкся на полуслове, внезапно осознав, что его безбожно обвели вокруг пальца. С каких это пор этот праведник научился так искусно давить на жалость?!

— Ты так и не спросил, как мне удалось вернуть Уван, — не давая ему опомниться, перевёл тему Янь Фуи.

Он не стал томить собеседника ожиданием:

— Прямо на алтаре того Небесного демона я постиг Намерение Меча Тысячи Механизмов.

Ли Фуюй обомлел. В груди его вскипела волна безумного, почти чужого ликования, на секунду выметая из головы все мысли. Разум буквально ослеп от этой оглушительной новости, и ему потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя.

— Уже сейчас?.. — растерянно пробормотал голос в сознании Янь Фуи. — Но как это вообще возможно?

Действительно, как?

Янь Фуи мысленно зафиксировал эту важную деталь, убрав её в самый надёжный уголок своей памяти. Реакция Ли Фуюя выдавала его с головой: Система прекрасно знала, что представляет собой Намерение Меча Тысячи Механизмов, и поразилась именно тому, что юноша сумел овладеть им так рано.

Между тем, Янь Фуи долгие годы хранил эту великую технику в строжайшей тайне. Никто в целом свете не должен был знать ни о Методе Меча, ни о загадочном происхождении клинка Уван.

Свой верный меч он обрёл ещё во время самого первого спуска с горы ради духовной закалки.

Странствуя в одиночестве, он случайно набрёл на скрытую древнюю обитель, не похожую ни на одно известное место в мире.

Янь Фуи до сих пор не мог вообразить, какого могущества достиг создатель того пространства. Это было величие столь недостижимое, что его разум пасовал перед ним. Повинуясь лишь интуиции, юноша прошёл череду странных испытаний, а очнувшись, обнаружил себя в величественном чертоге, парящем высоко над облаками, на самой Вершине Облаков.

Дворец поражал воображение расписными сводами, резными колоннами и ослепительным золотым сиянием. Однако залы его пустовали — лишь в самом центре покоились старинный фолиант и обнажённый клинок.

Стоило ему приблизиться, как до слуха донёсся чистый, протяжный звон, будто пришедший из глубин стародавних времён. В то же мгновение меч радостно взмыл в воздух и скользнул прямо в метку меча между его бровей, а книга бесследно растаяла, отпечатавшись в сознании. Юноша видел их впервые, но ощутил такую непререкаемую, глубинную связь, словно встретил старых преданных друзей после вековой разлуки.

Этим оружием был верный Уван, а книгой — Метод Меча Тысячи Механизмов.

Вернувшись из облачной обители, Янь Фуи с клинком наперевес совершил немало подвигов. Он в одиночку прорвал осаду у Прохода Лоушань, в одночасье прославив своё имя на всю поднебесную.

Однако позже, когда он получил тяжелейшие раны, Ли Фуюй примчался к нему из ордена посреди ночи. Завидев Уван, шихэн тогда долго и хмуро молчал, не проронив ни слова.

Янь Фуи никогда бы не стал ничего утаивать от своего Шихэна Фуюя, но таинственная печать, наложенная на его память, не позволяла вымолвить ни слова о тайной обители или о священном манускрипте.

Ли Фуюй и не подозревал, что выдал себя с головой. Он во все глаза смотрел на Янь Фуи, не уставая поражаться.

«Не зря он мой единственный Белый Лунный Свет! Моя Маленькая луна просто невероятно крут! Настоящий гений!»

Ещё бы, ведь речь шла о Намерении Меча! О вершине мастерства, о которой грезит каждый заклинатель в Девяти Провинциях.

Знак того, что Путь Меча по-настоящему признал практика — способность придать своей духовной ци материальную форму лезвия. Даже одарённым запредельным талантом мечникам обычно требуется достичь стадии Зарождения Души, чтобы выпустить по-настоящему плотную

и сокрушительную волну ци.

А Намерение Меча — это высшая, абсолютная форма проявления этой силы.

Это прикосновение к самому истинному Дао. Именно способность постичь Намерение отличает великих мастеров стадии Махаяны от простых смертных, топчущихся у подножия духовного восхождения.

Лишь познав Дао во всей полноте, можно надеяться на вознесение.

Что говорить о Янь Фуи, у которого отняли всё до последней капли духовных сил! Даже сам Достопочтенный Меча Вопросающий Небо, Шан Цинъюэ, никогда бы не осмелился утверждать, что его собственное Намерение Меча безупречно.

Тем более когда речь шла о столь сложной, непостижимой технике, как Метод Меча Тысячи Механизмов!

Янь Фуи лишился Врождённых Костей Меча и духовного корня, но в его груди билось нечто куда более ценное — непоколебимое Сердце Меча.

— Так что никаким козням демонов не пошатнуть мою волю, — твёрдо произнёс Янь Фуи.

Тогда, на грани жизни и смерти, он действительно в последний миг сумел пробудить Намерение Меча. Это позволило ему вновь призвать Уван и сокрушить Небесного демона одним ударом. Однако парень умолчал об одной немаловажной детали.

Когда он расправился с монстром, его и без того истощённое тело едва не разлетелось на куски. Израненные каналы не могли выдержать натиска пробуждённой мощи и колоссальных потоков энергии, циркулирующих внутри Увана.

Лишь благодаря таинственному незнакомцу из его сновидений, который внял его мольбе и запечатал меч, вернув ему первоначальный, «спящий» облик, Янь Фуи остался жив.

Кто же этот загадочный спаситель?

— Всё равно... — Ли Фуюй попытался зайти с другой стороны, предпринимая отчаянную попытку урезонить упряма. — Времени слишком мало! Подумай хорошенько, ведь тебе противостоит сам Достопочтенный демонов! Куда тебе, юнцу, тягаться с ним? Да в схватке с ним даже у наших напыщенных старейшин нет ни единого шанса на победу!

— Я знаю, — вздохнул Янь Фуи. — Но я просто не могу иначе.

Он не мог безучастно взирать на то, как мир катится в бездну, а невинные люди лишаются крова и гибнут. Не мог трусливо прятаться в тени, спасая собственную шкуру.

Ли Фуюй замолчал, признав своё поражение. Спорить было бесполезно.

«Ну конечно. Если бы он поступил иначе, он не был бы Янь Фуи» — с горькой нежностью подумал он, мысленно взъерошив волосы.

Ли Фуюй сокрушённо вздохнул. Изменить характер этого человека было выше его сил.

— Кстати, — внезапно промолвил Янь Фуи, — тот Небесный демон в городе Мосян упоминал, будто явился туда по личному приказу Достопочтенного демонов, чтобы отыскать какую-то вещь. Как думаешь, что именно он искал?

Ли Фуюй оцепенел. Липкий, леденящий страх, годами преследовавший его в кошмарах, внезапно навалился всей своей тяжестью. Сердце испуганной птицей забилося в рёбра. Всё то, чего он так отчаянно пытался избежать, о чём боялся даже думать, было безжалостно обнажено одним этим простым вопросом.

Янь Фуи резко замер посреди дороги.

— Тебе запрещено отвечать, — ровным тоном, лишенным каких-либо сомнений, констатировал он. — Значит... это напрямую связано с моим будущим?

— Связано... со мной?

В мыслях Ли Фуюя воцарился полнейший хаос, а к горлу подступила невыносимая горечь.

Он всегда знал, насколько проницателен его названный брат. Но сейчас этот острый ум превращался в смертный приговор, неумолимо подталкивающий их к неизбежной трагической развязке.